

Иван вышел из дома и вдохнул такой знакомый, но тем не менее каждый раз удивляющий его воздух Своего Города. Город не имел названий и был просто Его городом. Это было удобно, и Иван не особенно понимал, зачем древним нужны были все эти названия – Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Самара, Краснодар. Он побывал в них и не увидел разницы, разве что в одном на набережной красовалась глупая надпись «Счастье не за горами». Глупа она была не по смыслу, а самим своим присутствием. Зачем нужно было тратить столько слов совершенно впустую? Их и так мало.

По дороге на Работу Иван думал о своей жене Олесе. С утра они снова поссорились. Она уж очень надоела ему – нет, не надоела, не то слово – Иван принялся вспоминать и перебирать в своем мозгу слова, как четки – хотя нет, надоела будет самое оно – так вот, Олеся надоела мужу своими постоянными напоминаниями о слове «ребёнок», которое она уж очень хотела заполучить поскорее. «И возможно даже не на один раз, а как минимум на два. А потом заполучить слова «сын» и «дочь», сначала первое, затем второе, разумеется». Сами слова она произносила одними губами, так как говорить вслух их пока запрещалось. Да, конечно, Иван тоже был бы не прочь, но по Закону эти слова почему-то выдавались только через три года брака, а у них было только два с половиной. Хотя, если сейчас Ольга забеременеет, то как раз потом будет самое время. Но нет, идя на работу, надо думать только о работе. О работе.. О работе...

- Доброе утро, Иван!

- Здравствуй, Николай, - Иван протянул руку лучшему другу. – Как ты?

- Хорошо, - других слов для ответа на этот вопрос им пока еще не выдали – молоды ещё, всего-то 23 года. – А ты как?

- Хорошо.

Оба пошли в молчании, каждый думал о своём. Иван замечтался о том, как в Бюро Слов ему торжественно, в красивом конверте, выдадут написанное золотыми буквами слово «сын». И он, трепетно сжимая его в руках, будет выходить и представлять, как каждая буква, словно маленький шарик, перекачивается на языке. И вот он встаёт около жены и ребенка и произносит это немного островатое, но такое многозначное для него слово – СЫН.

Николай по-доброму завидовал Ивану. Он тоже хотел бы заполучить это милое слово «жена». Нежное и мягкое, оно так много давало. Но личная жизнь у Николая совсем не ладилась. Недавно он расстался с девушкой, а новую найти не мог. Николай пробовал такое желанное для него слово, перекачивал его на языке.

- Жена... - тихо произнес он почти про себя.

Иван заметил, как к ним направился полицейский.

- Господин патрульный, он просто сказал «жара». Сегодня что-то действительно жарковато, - с улыбкой сказал Иван, утирая несуществующий пот со лба. – Вы не находите?

Патрульный молча отошёл от них на свое место. Как только друзья повернули за угол, Иван остановил Николая и взял его за плечи.

- Ты что, с ума сошел? Ты же ещё не получил его!

- А какая разница? Я же его знаю.

- Ну и знай. Молча. Не показывай. Ты что, на трое суток заключения захотел?

- Нет.

- Коля, - такую форму имени разрешалось произносить редко, и она имела большое значение, - Коля, не забывайся. Ты помнишь, как тебя чуть из Университета не выгнали? Снова хочешь неприятностей? Не надо, Коля.

Николай склонил голову. О чем он только думал? Нужно было вообще об этом не думать. Идя на работу, думай о работе. Мудрый совет.

Наконец друзья пришли на Работу. Она была у всех одна, только отделы разные. Иван и Николай служили в инженерном. Как только оба уселись за рабочие столы, вошел Начальник и громогласно заявил на весь Офис:

- Инженеры! Сегодня плановая проверка. Всем быть готовыми.

Ивана всегда радовали такие слова. Они просты, понятны и не вселяют в тебя новых сомнений в своих силах. И зачем нужно было древним друг друга «подбадривать»? И слово какое страшное. И вообще его нет.

Иван принялся за работу. Вместе с заданием к чертежу выдавались стандартные слова, которые к нему относились. Конечно, Иван, да и все остальные, знали их уже давно, но всё равно такая предосторожность не мешала. Ведь если кто в процессе общения забудет слово, у него из зарплаты вычтут ровно четверть. А потом ещё. И ещё. Слова слишком ценны, чтобы их забывать.

В перерыв друзья спустились вниз, где была еда. Комната, в которой её подавали, носила простой и большой заголовок над дверью: «Еда». Каждому выдавали две коробки – «пища» и «питьё». Вскрыв их, друзья принялись есть и обсуждать свои сегодняшние заказы.

- Забавно, - вдруг сказал Николай, - как только древним не надоедало придумывать еде столько названий. «Картошка», «мясо», «хлеб». Я, когда был маленький, однажды у бабушки нашел одну книгу. Там рассказывалось, как делать еду. Так там такие названия были: «фрикасе», «консоме», «тирамису», «гуакамоле» и даже «панна-котта».

- Странно, зачем нужно было столько лишних слов, - поддержал разговор Иван. – Ведь суть у еды одна – поддерживать наш организм, давать ему энергию. Я помню, читал одну статью, где историк говорил, что раньше люди испытывали от еды удовольствие. Какое-то глупое удовольствие. Как будто других нет.

Вот рабочий день кончился, проверять никто не пришел, и друзья снова вышли на улицу.

- Ты сейчас куда? – спросил Иван.

- Я хотел заехать за новой книгой. Поедем со мной?

- Я не против. Жене нужен новый Роман.

Иван и Николай сели в транспорт и поехали к большим «Купи». На каждом из магазинов красовалось неоновое это призывное слово, а чуть ниже светилась картинка, обозначающая, что там продают. Больше ничего, по сути, и не требовалось.

В книжном «Купи» от одной стены до другой стояли ряды книг. Для каждого жанра был свой цвет обложки: любимые Ольгой Романы светились розовым, а Фантастика, за которой пришел Николай, отливала фиолетовым. Так было удобнее, и так считали все. Ведь название и яркая, красивая обложка чаще всего обманут. Ну или вовсе ничего не скажут о книге.

Иван смотрел на друга и одновременно вспоминал о слове, которое так хотел заполучить. И вот его образ уже становился зримым и слышимым, и на языке уже вертелись маленькими шариками три буквы. И это всё сообщалось с наблюдением за выбирающим Фантастику Николаем, который казался Ивану, несмотря на то, что они были ровесниками, намного младше его самого. Да и Ольга всегда относилась к нему как к ребёнку. Иван смотрел, думал, вспоминал, мечтал. И вот...

- Сын.

Тихо сказанное Слово прокатилось оглушительным торнадо по магазину и замерло в воздухе. Обернулся Николай. В его глазах застыл страх. Остальные покупатели пока еще не поняли всего масштаба случившегося, но между стеллажами уже виднелась спина Полицейского. В этот раз Николай оказался сообразительнее друга. Он подошел к нему и встал спереди. Полицейский подошел со сканером. Наведя его на человека, он мгновенно мог узнать, какие слова ему уже разрешены. С грозным видом, положенным по статусу, офицер приблизился к друзьям.

- Добрый день, - вежливо поздоровался Николай. – Что-то случилось?

- Было зарегистрировано нарушение Закона, - угрюмо пробурчал сквозь усы Полицейский. – Ваш друг произнес слово, которое ему нельзя произносить. Я буду вынужден его арестовать.

- Офицер, здесь какая-то ошибка. Он сказал «сплин», нашел это слово в Романах, который листал. Он выбирает Роман для своей жены. Вы же знаете, эти женщины...

- Молодой человек, не пытайтесь меня запутать, - строго произнес служитель Закона, отстраняя Николая с дороги. – Это было именно то слово, прослушаватели все зафиксировали. Если вы знаете его жену, сообщите ей, что ее муж будет в Полицейском участке Города.

За спиной Ивана защелкнулись наручники. Его повели между стеллажами. Парень все ещё не верил происходящему и напуганными глазами смотрел на друга. Тот крикнул:

- Я скажу Ольге! Мы тебя вытащим!

- Не говори ей. Ни слова, понял? – доносилось уже из коридора.

Но Николай уже не слышал этого.

Наутро вместе с Ольгой они приехали в Полицейский участок. Большое здание встретило их недружелюбно, но всё же впустило в свои чертоги. У Комнаты встреч каждому выдали листок с разрешенными в этом случае

словами. Ольгу кольнуло выражение «запрещённое слово», выделенное жирным. Предыдущим вечером Николай уже сказал ей, что произнес муж и за что его забрали. Естественно, то самое слово не было произнесено, просто написано на бумаге и после сразу же сожжено. Так было надежнее, чем писать на ручном Экране – он запоминал все введенные в него символы. Ольгу всегда неприятно поражала эта странность – писать можно, читать в Газете и Книгах можно, а говорить – нет.

Двери открылись, и оба вошли в комнату. Иван за ночь постарел, казалось, на несколько лет. Его лицо украшали синяки, шёл он плохо, прихрамывая. Когда парень проходил мимо полицейского, листок со словами задрожал в его руке. Он взглянул на жену, и она прочитала «Меня били».

- Как ты? – спросила Ольга.

- Я не спал всю ночь. Мне плохо. Мне очень стыдно за свой поступок, -

Иван повторял слова как заученную речь.

- Мы найдем тебе хорошего адвоката, - сказал Николай.

- Ваня, - вдруг произнесла Ольга, протянув руку к мужу.

- Оля, - отозвался он.

В глазах супругов читалось «Я тебя люблю».

Охранник постучал дубинкой.

- У вас осталась минута, - проворчал он.

- Ольга, принеси мне мою губную гармошку, - попросил Иван. – С ней я смогу отвлечься.

- Хорошо, - прошептала жена. В её глазах застыли слезы. Она быстро, едва заметным движением руки стерла их – такого не должно было быть. Никогда.

Ивана отвели обратно в камеру. Ему действительно было там скучно – не разрешалось ничего. Круглое ночное солнце, которое древние называли луной, заглядывало в стеклянное окошко и освещало часть камеры. Иван придвинулся к этому световому пятну и посмотрел на небо. Оно как будто отражало простую жизнь – как машины, двигались облака, звезды-окошки светились, скрывая за собой людей прошлого. Иван часто задумывался о том, какими они были, эти люди. Ведь до того, как он родился, прошли целые века, и всё это время на Земле было много их. Однажды – так говорят, хоть это и кажется неправдой, - планету населяло целых семь миллиардов человек. Иван даже представить не мог такое. Один из его школьных приятелей, Михаил, разрабатывал машину, которая могла бы переместить людей во времени. Но он совсем не вовремя попал под поезд – так сказали Ивану.

Иван вспомнил и старого школьного учителя, Владислава Сергеича, историка. Однажды на уроке он рассказал удивительную вещь – раньше люди могли пользоваться абсолютно всеми словами, которые были в языке. Так называемый словарный запас, который теперь у всех примерно был одинаков, зависел от того, насколько человек образован, как много он прочёл или услышал. Иван слушал и удивлялся. Ему сразу захотелось стать таким вот человеком прошлого. Ему претило, что какой-то там идиот Васёк, которого полным именем не звали даже учителя и который всё время таскает с собой

стопку карточек со словами, потому что не может ни одного запомнить, кроме ругательств, по официальным данным обладает таким же словарным запасом.

Стены камер были звуконепроницаемы. Большинство людей попадали в Тюрьму за такие же оплошности, что и Иван, и считалось, что своё преступление они уже ничем усугубить не могут. В Газете писали, что часто от скуки многие начинали разговаривать с собой, потом видеть каких-то собеседников и в результате сходили с ума. Поэтому рядом с Тюрьмой Правительство вынуждено было построить филиал Главной Психиатрической больницы – по сути, такую же Тюрьму. И вот из Ивана полились слова:

- Всё это так странно. Почему нам запрещается произносить то, что мы и так знаем? Почему мы должны получать разрешение на слово? Это же просто слово, и ничего больше! Набор звуков, который раз – и улетел в пустоту. Мы читаем это слово в книгах, например, в детстве, в приключенческом романе «Сын капитана». Мы слышим это от родителей, когда они говорят друг другу: «Наш сын сегодня получил хорошую оценку» или «Наш сын сегодня подложил кнопку на стул учителю». И почему, например, актёрам можно говорить это слово, хотя у них, возможно, и нет детей? Нам можно слышать. Нам можно видеть. Нам можно читать. Нам можно думать. Но говорить нам нельзя. От нас скрывают, как было раньше, или говорят, что так было всегда. Но Владислав Сергеич сказал, что раньше все могли говорить всё. Правда, на следующий день после того урока его увезли в больницу и запретили вести уроки в школе. Может, потому, что он сказал нам правду? Если мне не повезет, то я могу всю жизнь просидеть здесь. За одно слово. За одно только слово. Маленькое и пока – для меня – ничего не значащее. Глупо.

На следующий день снова пришли Ольга и Николай. Они привели пожилого, но бодрого адвоката. Он посмотрел на Ивана поверх очков-половинок и строго спросил:

- Вы действительно говорили именно это слово? Не какое-либо иное, разрешённое вам?

- Именно это, - кивнул Иван.

Адвокат вздохнул.

- И оно зафиксировано на камерах?

- К сожалению, да.

- Дефектами речи не страдаете?

- Нет.

- А жаль. Если бы они были, можно было бы легко выдать то слово за какое-либо иное. Это была бы наша зацепка. Камеры пока не научились различать речевые дефекты, они настроены на так называемую чистую, правильную речь. Вы ничего не жевали, когда произносили его? Жвачку, например, или ещё что-то?

- Нет.

- И у вас не болело горло?

- Нет.

- Скверно. Иван, скажу вам честно, как мужчине: если не найдется хоть какая-нибудь, самая малейшая зацепочка, за которую мы вас, как Мюнхгаузена из болота, сможем вытащить, то вы рискуете просидеть здесь остаток своих дней.

- Я знаю, - сказал Иван, опустив голову.

- Кстати, опущенная голова тоже может повлиять на качество произнесенного слова. Возможно, вы опустили её, когда рассматривали корешки книг на полке чуть ниже вашей линии взгляда и случайно произнесли это слово?

- Нет, я смотрел на своего друга.

- Господин Полянский, может быть, среди общего шума слово не могло четко записаться? Насколько я помню, в тот день в «Купи» было достаточно много народа, - вдруг осенило Николая.

- А он у вас умный. Вот бы его к нам, - улыбнулся адвокат. – Я попрошу записи с камер наблюдения за тот день, всё внимательно прослушаю, и мы с вами встретимся. Хорошо?

- Да.

Со смешанным чувством надежды на лучшее и паническим «Все пропало, нам конец» Николай пошел следом за обсуждающими что-то Ольгой и адвокатом по коридору. В окошке регистрации им выдали именные карточки. Николая подошел последним и посмотрел на девушку, которая, стесняясь и краснея, подала ему карту. И тут его молниеносной вспышкой пронзили слова «та самая». Он на мгновение моргнул, и они высветились за закрытыми веками. Охранник уже недобро посмотрел на Николая. Тот ещё раз взглянул на девушку, чтобы удостовериться с возникшем чувстве.

- До свидания, - прошептала она еле слышно.

- До свидания, - машинально произнес Николай и вспомнил обо всех двусмысленностях этого выражения. Он услышал, как из коридора его окликнула Ольга. Пришлось идти.

По пути домой Николай вспоминал своё ощущение и никак не мог отделаться от мысли, что именно эта девушка должна стать той, кого он будет называть магическим словом «жена».

- Юноша, вы мне не поможете, - отвлек его от мыслей старушечий голос. Парень оглянулся и увидел элегантно одетую пожилую даму в шляпке. Она посмотрела на Николая весёлым кокетливым взглядом.

- Да, конечно. Только это слово... оно же уже запрещено как устаревшее... не стоило вам его говорить.

- Спасибо, что вы так заботитесь обо мне, молодой человек, но не стоит, - улыбнулась старушка. – Донесите, пожалуйста, до моего дома сумки, тут недалеко, а я вам расскажу, почему мне ещё можно его использовать.

Николай взял сумку с продуктами и пошел вслед за ней.

- Я ещё из той, старой гвардии, - начала свой рассказ дама. – Меня зовут Аделаида, кстати.

Николай представился и спросил отчество.

- Зачем вам моё отчество? Я что, старая? – спросила она и продолжила. – На самом деле мне уже немало лет. Столько, как говорят, не живут. Я помню, как всё это было. Начали запрещать сначала одни слова, потом другие, третьи. В газетах, журналах, кино, книгах, на телевидении. А когда человек очень долго не видит слов, не слышит их, то они пропадают из его речи совсем. Я, например, среди своих сверстниц осталась одной из немногих, кто называет молодых парней юношами. Как вы сказали, слово это устаревшее. Плюс словари... Каждый год выпускались полные словари слов, и из них исчезали разные слова. Из последнего, который я читала, исчезло слово «любовь». Совсем. У нас теперь есть только сухие «брак», «жена», «муж». Люди могут сказать такое друг другу только глазами. А в них не все умеют читать. А вот и мой дом. Мы пришли.

Спутники остановились около небольшого старинного домика с геранями на окнах. Николай внёс в прихожую сумки, пообещав себе запомнить это место. Дом казался как бы отзвуком той далекой старины, когда не сажали за слова и всё можно было говорить.

- Аделаида, а кем вы были раньше? – спросил Николай.

- Актрисой, - донеслось из маленькой кухоньки. – Я и сейчас актриса. Вы не хотите чаю?

Николай подумал, что отказ был бы как минимум невежливым. Он прошёл по коридору, сел за стол с накрахмаленной скатертью и стал потихоньку грызть ароматные домашние печенья. Аделаида присела напротив, оправила юбку на коленях и продолжила:

- Во многом из-за профессии нам и можно говорить многие слова, - сказала она. – Вот будь я, например, швеей или продавщицей, я бы не могла вас окликнуть таким образом. Хотя нас, старых, за такое не сажают. Молодые считают нас выжившими из ума стариками, говорящими на своем языке. А ведь язык у нас с вами один.

Тоненько засвистел чайник, и Аделаида, не потеряв в свои года сноровки, разлила чай в две чашки и поставила одну перед Николаем.

- Знаете, это довольно странно, что нам нельзя говорить некоторые слова до достижения определенного времени, - произнес он. – Мой друг сейчас в тюрьме за это...

Николая прорвало. Он рассказал во всех подробностях тот день и случай с Иваном.

- Они там считают, что так лучше, - грустно улыбнулась пожилая актриса. – Есть у них один образец – женщина по имени Эллочка, которая в жизни пользовалась всего лишь 30 словами. Сомневаюсь, что у тех же продавщиц их заметно больше. Они хотели так облегчить жизнь людям, чтобы их речь была чётче и яснее, а время не тратилось на поиск нужных слов. А к чему пришли? Люди по большей части не говорят вообще, потому что нужных им слов у них либо нет, либо они еще не разрешены. Вот помню, был у моей подруги случай. Она снялась в фильме, а за неделю до его выхода в кино запретили мат. А там его было... В-общем, пришлось целый год

переозвучивать. А сейчас мат вообще запрещен везде. Вы наверняка его и не слышали.

Николай помотал головой. Аделаида улыбнулась и произнесла несколько коротких, слегка режущих слух слов. Они были неприятны, но в то же время было в них что-то притягательное, такое, отчего их хотелось произнести самому.

- Заговорились мы с вами, Коленька, а время уже позднее, - сказала Аделаида. – Вы заходите ко мне, если что. Всегда буду рада.

Николай пошел по улице и вдруг на одной из стен увидел одно из тех ругательств, которые озвучила Аделаида. Он знал, что писать такое запрещалось. Пройдя несколько шагов, парень увидел юношу, на вид своего сверстника, который выводил краской на стене запрещённое слово.

- Эй, ты что делаешь? – попытался Николай остановить странного парня. – Тебя же за это посадят на всю жизнь!

- Пусть сначала попробуют поймать, - ухмыльнулся парень. – Ты же меня не выдашь?

- Нет. Но зачем ты это делаешь?

- Я из Движения Всесловия. Пойдем, покажу наш штаб.

Николай, не переставая удивляться разнообразию дня, пошел следом. Парень нырнул из одной подворотни в другую, пока наконец не прошёл в узкий подвал. По его стенам были расписаны разные слова, они громоздились друг на друге, одни закрывали другие. Наконец, пройдя коридор, спутники оказались перед обитой железом дверью.

- Прежде чем мы войдем туда, хочу тебе кое-что сказать, - лицо ночного художника внезапно посерьезнело. – Первое – ты никому не должен рассказывать о том, что там видел. Иначе будет плохо. Понял?

Николай кивнул.

- И второе, - парень улыбнулся. – Войдя в эту дверь, ты присоединишься к нам. Здесь рубеж. Обратного пути не будет. Так что если ты не уверен, то можешь идти назад.

- Я уверен, - сказал Николай.

Дверь открылась, и Николая оглушил шум разговора. Такого он не слышал нигде – ни в университете, ни на улице. В просторной комнате было около тридцати человек, но казалось, что одновременно говорит как минимум сотня. Парень был поражен. Сквозь шум беседы он мог расслышать такие слова, за которые произнесшему их могло грозить до двадцати лет заключения. А тут все говорили открыто.

- А теперь позволь представиться, - сказал спутник Николая. – Меня зовут Алексей. Но лучше Лёшка.

- Николай.

- Неее, Колька. Лады?

- Хорошо.

Лешка громко свистнул. Все обернулись.

- Ребята, это наш новенький. Его зовут Колька.

- Лёшенька, ну ты придумал тоже. Какой Колька? Это Коленька, - сказала одна из девушек, неторопливо приближаясь к Николаю. – Я Вика. Можно и Виктори.

- Победа, отойди, духами воняешь, - недовольно сказал Лёша.

Вика, не поведя бровью, ушла и села в гамак. К Николаю стали подходить все остальные, здороваться, знакомиться. Его отвели вглубь комнаты, посадили в гамак, сняли рабочий пиджак, вручили сок и печенья.

- Ребята, у вас тут очень хорошо, честно, но я не могу остаться, сказал Николай, вставая. – Мне бы придумать, как друга спасти.

- Что случилось с твоим другом, Коля? – Леша обеспокоенно взглянул на Николая. – Ему грозит опасность?

- Ему грозит тюрьма, - Николай глубоко вздохнул и выложил всю историю этим незнакомым людям.

- И что, никакой надежды нет? – спросила Виктория.

- Есть один вариант. Адвокат сказал, что, возможно, из-за шума слово могло неправильно записаться. Но они могут проверить память посетителей, в том числе и мою. А я слышал всё очень отчетливо.

- А какое слово он произнес? Скажи, здесь это не опасно.

Николай собрался, сжался и вспомнил каждую букву этого слова: как она выглядит, как звучит. А потом произнес.

- Статья 35 общего закона гласит, что это слово нельзя использовать людям, не имеющим детей мужского пола или недавно потерявшим упомянутых детей. Нарушение карается сроком от 10 лет до пожизненного заключения, - произнес картавый голос из глубины комнаты.

- Это Вася, наш ходячий справочник, - представил Леша. – Вась, выйди из сумрака, дай на тебя посмотреть. – На свет вышел длинноволосый парень в очках. – Благодаря ему мы все знаем, на какую сумму наговорили и написали за последнее время. В большинстве своём нам всем грозит пожизненное.

- Но зачем вы это делаете? – спросил Николай.

- Мы хотим разрушить систему. Мы хотим, чтобы каждый мог свободно говорить всё, что ему хочется. Вот почему. И я думаю, Коля, что ты разделяешь наши убеждения.

- Так вы мне можете? – спросил Николай с надеждой.

- Конечно. Когда у твоего друга суд?

- Через неделю. Мы успеем?

- Как ни парадоксально, - донесся полусшепот с гамака, - но твоего приятеля из Тюрмы будет выволить даже проще, чем из полицейского участка.

- А это наш Арнольд, - представил Леша темноволосого паренька, одетого во всё черное, - архитектор от дьявола, как он сам себя называет. Сам сбежал в своё время из Главной Тюрмы. А попал он туда за то, что произнёс в магазине «О Боже», глядя на цену на свой любимый сыр. Так что он там знает все дырки.

- Мне удивительно повезло, - ухмыльнулся Арнольд. – Знал бы мой дедушка, проектируя эту Тюрму, что я в ней окажусь...

- Кстати, Коля, где ты живешь? – заинтересовался Лёша.

Николай послушно назвал свой адрес. Он почему-то сразу проникся доверием ко всей компании, особенно к лидеру. Арнольд молча достал листок и карандаш и стал быстро рисовать отрывистыми линиями. После молча протянул рисунок Лёше.

- Ну вот, - сказал он. – Теперь я незаметно проведу тебя до дома. Под городом есть старые туннели – катакомбы. Арнольд знает их все. Я смогу провести тебя к дому. Запомни: об этом месте никто не должен знать.

Двое теперь уже друзей прошли по тёмным туннелям, луч фонарика плясал по стенам, выхватывая то паука, то плесень. Пару раз под ногами пропищали крысы. Наконец Лёша толкнул незаметную дверь, и Николай с удивлением видел, что они вышли в проулок около его дома.

- Ну все, пока, - махнул рукой Лёша. – Вот, возьми карту, будешь по ней приходить. И запомни – никому!

Николай кивнул и пошёл домой. Его не переставал удивлять этот день.

На следующий день пришёл адвокат. По его лицу Николай понял, что надежды на помилование нет.

- Иван, - Полянский вздохнул и снял очки, потеряв натруженную переносицу. – Я просто хочу вам сказать – не отчаивайтесь. На камерах слово записано плохо и терялось среди общего гомона, но прокурор может потребовать проверить память свидетелей, из которых ближе всего к вам стоял ваш друг. Это законно, и протестовать против этого я не могу. Я сделаю всё, что смогу. Но будьте готовы к худшему.

Николаю, сидевшему рядом с адвокатом, было сложно сдержать радостную, буквально раздиравшую уголки губ улыбку. Он так хотел хоть как-то намекнуть другу, что помощь скоро придёт.

Уходя из Полицейского участка, Николай вновь увидел ту девушку. Она шла по коридору с большой папкой дел и чуть не шаталась под их тяжестью.

- Давайте я вам помогу, - сказал он, подойдя.

- Хорошо, - девушка смутилась и покраснела. – Возьмите половину.

Николай забрал всё.

- Ой, что вы, меня ругать будут! – девушка пыталась взять с верха стопки несколько папок, но Николай невозмутимо шагал по коридору, уворачиваясь от её попыток.

- В какой кабинет отнести?

- В третий.

Николай занес папки и поставил их на стол с таким важным и гордым видом, что женщина, сидевшая на стуле у окна, фыркнула от смеха.

- Смотрите-ка, у Аглаи объявился кавалер, - нараспев произнесла она с усмешкой, чем ещё больше смутила девушку.

- Какое у вас необычное имя – Аглая, - заметил Николай, едва они вышли из кабинета.

- Меня назвала так бабушка. С ней я жила всю жизнь. Сейчас с подружкой вместе живём. Родители погибли в автокатастрофе. Бабушка была актрисой, но потом закончила карьеру, чтобы воспитывать меня. Она была известной, её

любили. Изредка, когда она выпивает, то плачет и корит меня за то, что я разрушила её карьеру. Но это бывает редко, хотя и больно ранит меня. Но благодаря ей я знаю многие запрещённые слова. Я знаю, к кому вы ходите, и мне жаль вашего друга.

Пару минут двое прошли в молчании, потом Аглая внезапно повеселела и озорно посмотрела на Николая.

- А вашего имени я ещё не знаю.

- Николай.

- А пойдёте на карусели?

И Николай опомниться не успел, как уже кружился вместе с Аглаей на каких-то невообразимых каруселях и смеялся, как ребёнок. Он почувствовал, как впервые смог отвлечься от тяжелых раздумий последних дней.

В конце дня, проводив девушку до её домика, Николай сказал:

- Вы знаете, Аглая, вы мне очень понравились. Когда я смогу снова вас увидеть?

Девушка задумалась.

- В первый выходной, - наконец сказала она.

Дни недели уже не имели тех глупых названий, что раньше – понедельник, четверг, суббота. Они делились на будни и выходные: 5 на 2. Так было удобнее, и так считали все.

Николай, окрылённый зарождавшимися и уже крепшими чувствами, пошёл домой, но в улочке у своего дома увидел хулиганскую надпись «Нахер – это вон туда» и стрелку, которая показывала на незаметную и, казалось бы, запёртую дверь. Николай нащупал ручку и, осмотревшись по сторонам, потянул. Дверь со скрипом подалась. Вынув из кармана карту, он при свете дня осмотрел её, запомнил и, нащупав маленький карманный фонарик, шагнул в темноту.

Дни до суда таким образом и проходили у Николая – в посещениях Ивана, свиданиях с Аглаей, обсуждениях плана побега. А вот Иван жил куда менее разнообразно. Свидания с женой – всё, что ему позволялось – оживляло унылое сидение в тюрьме. Он был совсем один, а соседи не проявляли желания разговаривать.

- Эй, сосед, – услышал Иван однажды, после отбоя, голос из соседней камеры. – Привет, сосед.

- Эммм... Привет, - Иван ошарашенно подошёл к железной решётке, отделяющей его от тёмного коридора.

- Сосед, ты кто?

- Я Иван, инженер.

- А я Иосиф, поэт.

- Как поэт? Они же упразднены.

- Ну и я, как видишь, упразднён. Скоро уж насовсем. Послезавтра суд, и меня пожизненно посадят. Или, как говорила моя бабушка, посадют.

- У меня суд через неделю, - Ивана вдруг охватил порыв общительности. Хотелось поделиться с кем-то, кто находился в похожем положении. – Ты

знаешь, я боюсь. Мне кажется, меня не оправдают. Посодют, - он нервно усмехнулся.

- А ты не бойся. Дети-то есть?

- Не нажил ещё. Всё думал – потом, когда на ноги побольше встану. А вот теперь думаю – не прогадал ли ты, Иванушка...

- Ну, не бойся. Всё впереди. Ты знаешь, я у бабушки однажды нашёл одну старую книгу. Со стихами, представляешь? Я прямо заболел ими на год. Взглянул выучить все, потому что она сказала, что ликвидирует книгу – от греха, как говорится, подальше. И сейчас мне они всё чаще вспоминаются. Особенно вот это вот: «Сижусь за решёткой в темнице сырой...». Я уже даже заготовил одно. Я его вслух прочту здесь, у тюрьмы, если вдруг меня оправдают. Или когда сбегу. Прижмусь так к стеночке, буквально минут на пять, и скажу:

Сохрани мою тень. Не могу объяснить. Извини.

Это нужно теперь. Сохрани мою тень, сохрани.

За твоею спиной умолкает в кустах беготня.

Мне пора уходить. Ты останешься после меня.

До свиданья, стена. Я пошёл. Пусть приснятся кусты.

Вдоль уснувших больниц. Освещённый луной. Как и ты.

Постараюсь навек сохранить этот вечер в груди.

Не сердись на меня. Нужно что-то иметь позади.

Сохрани мою тень. Эту надпись не нужно стирать.

Все равно я сюда никогда не приду умирать,

Все равно ты меня никогда не попросишь: вернись.

Если кто-то прижмется к тебе, дорогая стена, улыбнись.

Человек – это шар, а душа – это нить, говоришь.

В самом деле глядит на тебя неизвестный малыш.

Отпустить – говоришь – вознестись над зелёной листвой.

Ты глядишь на меня, как я падаю вниз головой.

Разнобой и тоска, темнота и слеза на глазах,

изобилье минут вдалеке на больничных часах.

Проплывает буксир. Пустота у него за кормой.

Золотая луна высоко над кирпичной тюрьмой.

Посвящаю свободе одиночество возле стены.

Завещаю стене стук шагов посреди тишины.

Обращаюсь к стене, в темноте напряжённо дыша:

завещаю тебе навсегда обуздать малыша.

Не хочу умирать. Мне не выдержать смерти уму.

Не пугай малыша. Я боюсь погружаться во тьму.

Не хочу уходить, не хочу умирать, я дурак,

не хочу, не хочу погружаться в сознание во мрак.

Только жить, только жить, подпирая твой холод плечом.

Ни себе, ни другим, ни любви, никому, ни при чём.

Только жить, только жить и на все наплевать, забывать.

Не хочу умирать. Не могу я себя убивать.

Так окрикни меня. Мастерница кричать и ругать.

Так окрикни меня. Так легко малыша напугать.
Так окрикни меня. Не то сам я сейчас закричу:
Эй, малыш! – и тотчас по пространствам пустым полечу.
Ты права: нужно что-то иметь за спиной.
Хорошо, что теперь остаются во мраке за мной
не безгласный агент с голубиным плащом на плече,
не душа и не плоть – только тень на твоём кирпиче.

Изолятор тоски – или просто движение вперед.
Надзиратель любви – или просто мой русский народ.
Хорошо, что нашлась та, что может и вас породнить.
Хорошо, что всегда всё равно вам, кого вам казнить.
За тобою тюрьма. А за мною – лишь тень на тебе.
Хорошо, что ползет ярко-желтый рассвет по трубе.
Хорошо, что кончается ночь. Приближается день.
Сохрани мою тень.

Иван слушал голос соседа, эхом раскатывавшийся по коридорам полиции. В тот момент к нему прислушались все, кто сидел здесь. В этих старых строчках слышалась свобода, самая сладостная, которую может представить себе человек, – свобода после заключения. Это была воплощённая, невысказанная мечта каждого заключённого – выйти из этих безликих стен и прочесть, проорать, продумать, проплакать эту песню-молитву. И последняя строчка – «Сохрани мою тень» – как последняя нота, долго звучала эхом во всём крыле. И Иван как-то позабыл о себе, о суде, словно бы растворившись в словах.

С той ночи они с Иосифом долго разговаривали, конечно же, больше вечерами. Иван спал мало из-за этих ночных разговоров, но он не чувствовал недосыпа и усталости. Он много думал и уже почти ненавидел листочек с разрешёнными словами и фразами, которые ему выдавали перед каждым свиданием с женой или перед встречей с адвокатом. Ивана переполняли слова, они, казалось, набились в него, как люди в автобус в час пик, и лезли наружу. К ночной беседе присоединялись другие сидельцы, и Иван с удивлением обнаруживал, что за решётку попадали художники, врачи, учителя, певцы и даже писатели. И все они говорили о чём-то, спорили, и нашему герою уже стало казаться, что недовольных режимом гораздо больше, чем тех, кто с ним согласен, и в камерах уже обсуждались идеи переворота, перемены общества, разрешения всех слов. Вскоре осудили Иосифа, с которым Иван уже успел подружиться, и приближался уже день его суда. Соседи накануне суда весело шутили, окликали друг друга, просили, чтобы в первый день в Тюрьме приятель после отбоя выкрикнул своё имя, даже обещались писать «до востребования – из Участка в Тюрьму». С Ивана таких обещаний тоже набрали кучу.

Наконец наступил день суда. Всё заседание напоминало скорее большой, хорошо постановленный и отрепетированный спектакль. Ивану казалось, что он очень хорошо знает финал этой пьесы. Видимо, сценарий был

общим для всех, кто нарушил Закон о словах. Наконец судья ударил завершающий удар молоточком, и он эхом пронёсся по залу. Ивана осудили на пожизненное. Ольга, не сдержавшись, заплакала. В нарушение правил она подбежала к скамье подсудимых и взяла Ивана за руку. Слова готовы были слететь с её губ, но муж погладил её за руку и прошептал: «Не надо. Одного меня хватит».

Его увели. Ольга обняла Николая и заплакала. Ему так хотелось утешить её, сказать, что помощь скоро придёт, но он не мог. Аглая, бывшая здесь же, посмотрела на Николая, но ничего не сказала. Парень вспомнил их план и вдруг задышал часто-часто. Он как будто всё видел. Неделя... Проходит всего лишь неделя тюремной жизни Ивана, и всё поворачивается иначе. Приходит их банд-группа. Победа с девочками отвлекает охрану – проникнуть внутрь – раздевалка – дополнительные формы охраны – вырубить охранника – ключи – коридор – камера 308 – открыть – Иван – выйти – незаметно – свистнуть Победу и девочек – за поворотом люк в стене – логово – к дому Ивана. И всё. Друг свободен. Казалось бы, так просто, но возможные варианты душили порой всю решимость Николая. А вдруг на дежурстве будет Аглая, и она побежит спасать его, и её ранят? Этот вопрос был его главным тормозом.

Семь дней прошли быстро. План был пересмотрен и передуман десятки тысяч раз. Было решено усыпить охрану, подсыпав им в общий чайник, который в тюрьму привозят ежеутренне – один на всех, снотворное. Девочки стали не нужны, хотя Победа и обиделась, что ей не дали поучаствовать в общем деле. Камеры выключили через отдалённую систему управления, которую взломал хакер Марк. Сомнения к утру седьмого дня остались только у Николая.

И вот с утра, позавтракав, команда отправилась в путь. Лёша поминутно приговаривал «Да не парься ты».

Проходя мимо спящей мирным сном охраны, Николай увидел знакомое красивое лицо. Дыхание перехватило, ноги подкосились.

- Аглая, - прошептал он.

Лёша повернул друга к себе и сказал:

- Ей ничего не будет. Ничего! Мы читали законы. За одного сейчас не наказывают, потому что вскоре его вернут в другом суде. Или сам вернётся, потому что не сможет устроиться на работу или просто пройти по улице.

- А где же тогда ему жить?

- Мы спрячем их с Ольгой в убежище, а затем что-нибудь придумаем.

Николай слегка успокоился. Переодевшись в формы охраны, ребята пошли по коридору, как вдруг увидели охранника, выходящего из туалета.

- Опа, здорово, ребят, а почему это я вас раньше здесь не видел? – спросил он, на ходу заправляя рубашку в брюки. Николай почувствовал, как по его спине пробежала струйка пота.

- А мы новенькие, недавно поступили, - не растерялся Алексей. – Охрану усилили, говорят, побег готовится.

- Ааа, ну это вряд ли. Из Тюрьмы ещё никто не убегал, - зевнув, пробурчал мужчина. – Ну ладно, пойду я чаю попью.

Наконец – камера 308. Николай первым вошёл в неё и едва узнал исхудалого, осунувшегося друга. Друзья обнялись, затем тихо вышли и закрыли дверь. Опирающийся на Николая Иван прошептал ему что-то на ухо.

- Нельзя, - твёрдо сказал парень, помня о предупреждении насчёт Аглаи.
– Мы уже пошли на риск, потом будет хуже.

Алексей, шедший впереди, остановился.

- Сюда идут, - прошептал он.

По коридору слышался топот.

- Сдавайтесь! – услышали все голос. – Приказываем вам сложить оружие. Вы окружены!

- Как бы не так, - прошептал Алексей и сделал приятелям знак следовать за ним. Нажав одному ему заметную кнопку в стене, лидер команды открыл дверь лифта и спустился на первый этаж.

- Мы же могли спуститься в канализацию и пройти по катакомбам, - прошептал Николай.

- Здесь всё равно никого нет, мы не вызовем подозрений, выйдя как охранники.

На выходе из лифта их встретил автоматный залп. Алексей кулаком вдарил по кнопке закрытия дверей. В маленьком помещении сразу стало жарко и душно.

- Что делать? – Николая охватила паника, он почти кричал.

- Во-первых, не паникуй. Скоро они прекратят, и мы выберемся, - Алексей пытался перекричать пули.

- Долго нам ещё здесь сидеть?

- До шести. Даже в экстренных случаях они не задерживаются на работе.

Наконец очередь замолкла. Николай приоткрыл двери лифта и выглянул наружу. Военные стояли кучкой, двое в центре – видимо, командующие, - переговаривались.

Тихо и осторожно группа на корточках поползла к выходу. Когда они почти были у цели, один из солдат обернулся.

- Ходу! – закричал Алексей, и все побежали к выходу. Николай оказался последним. Вдруг он почти увидел, как по направлению к его телу вылетает из дула автомата и начинает свой смертельный полёт пуля. Вслед за этим – приглушённый, точно из-за занавеса, крик Аглаи «Коля», её шаги, слабый крик и – неожиданная тишина. Николай, как через экран телевизора, словно бы это было не с ним, увидел тело любимой со струйкой крови на белоснежной форме. Он подполз к ней, взял голову и положил на колени. И не слышал больше ничего – ни звона пуль, ни криков. Каким-то задним умом парень удивлялся, почему его оставили в покое, не арестовывают, где все его приятели и живы ли они. Но в моменте здесь и сейчас для него существовало только две детали реальности – мёртвое лицо Аглаи с широко раскрытыми удивлёнными глазами и струйка крови на форме.

Поняв, что уже ничего нельзя изменить, Николай неторопливо встал и пошёл по внезапно опустевшей тюрьме к выходу. Всё внезапно потеряло для него смысл. Он шёл мимо «Купи», мимо вывесок с разрешёнными

рекламными словами, слушал разговоры с разрешёнными фразами и не понимал, к чему все запреты, когда каждое слово записано в голове с рождения. Он не знал, где Алексей и команда, где Иван, жив ли он. Николай брёл и брёл, не замечая наступления дня и ночи, и, казалось, без усталости. Наконец он дошёл до Вокзала, присел на скамью.

Вдруг из одной из дверей полился странный свет, как от фонарика. Ведомый непонятным любопытством, Николай пошёл внутрь. Двигаясь непонятными коридорами, он долго не мог достичь источника света. Наконец Николай увидел, как воздух в одном месте равномерно и ярко светится. Щурясь, он подошёл ближе и увидел большие странные кнопки, как на клавиатуре компьютера.

- Ну ты блин чё? – услышал парень недовольный голос откуда-то сверху, и, подняв голову, увидел огромное лицо мальчика в очках. Он смотрел на Николая, лицо было перекошено от злобы. Тому стало страшно. Он протянул руку и заметил, что воздух в месте свечения густой и вязкий, как тесто. Любопытство повлекло его через преграду, и постепенно парень пересёк её и, не удержавшись на узком парапете монитора, упал вниз. Поднявшись, Николай увидел того мальчика, обеспокоенно щёлкавшего мышкой и перебиравшего клавиши. Николай быстро спрыгнул с клавиатуры и побежал по столу, оборачиваясь на мальчика. Вдруг он споткнулся и растянулся на коробке от диска. Поднявшись, парень увидел на обложке Ивана, Ольгу, себя, Аглаю, полицейских и военных и прочёл большие буквы «Я – слово». А затем, не успев ничего подумать и понять, Николай рассыпался на сотни пикселей, которые в постэкранном мире мельче, чем атомы.